

Глава VI

ЛОГОВО ЗМЕЯ

К вечеру Марс вышел на чей-то лагерь. Тишина. Большой кирпичный дом в два этажа, высокая изгородь. Почти на самой макушке сухого дерева сорочинное гнездо – одинокое и страшное украшение. Снег вокруг утоптан, можно подобраться, не привлекая внимания. Подождал, пока стемнеет, прячась в разбитой машине и наблюдая за происходящим. Никаких движений. Хотелось верить, что это именно то место, которое ему было нужно. Многочисленные следы вели сюда. Те, кто обосновался здесь, не боялись и не скрывали своего присутствия. Шло время, но ничего не происходило. На секунду он подумал, что там вообще никого нет, что не успел, и свора покинула насиженное логово. Дверь с шумом отворилась. Из нее вышли двое парней, стащили дрова в кучу, о чем-то спорили, было плохо слышно. Огонь запалили такой, что стало понятно, бояться им нечего. Марс подобрался ближе, укрылся за изгородью.

– Какого черта они нас тут оставили?!

– Дурак что ли? Консервы стеречь, – заржал высокий и тощий в армейском бушлате и шапке-ушанке.

Второй – пухлый, низкого роста, одет в легкую куртку. Складывалось впечатление, что оба раньше служили в полиции. У маленького на коленях лежал обрез.

– Консервы стеречь? Да куда они денутся? – хрюкнул носом толстый и сплюнул в сторону. – А что они уперлись с этим оборвышем? Похоже, Змей и правда думает, что этот малец был с этим... Как его? Ну, которого ищут те парни с юга во главе с их стебанутым на всю бошку маньяком.

– Брось, это все сказки.

– Сказки, не сказки, не тебе решать! – воскликнул пухлый, подкинул еще дров и протянул к огню руки. Если его поймает, будем жить припеваючи! Говорят, у них там на юге, у этих... Как их?

– Огненные братья.

– Да, точно! Говорят, у них там цивилизация. Город, обнесенный стеной, на берегу моря. Глава у них Александр. Говорят, великий правитель.

– Да брешут все! Если бы так было, к ним бы все ломанулись, а не тут бы сидели, последний хрен без соли доедали.

– У них армия. Они что, дураки что ли всех к себе брать? Сам прикинь, город-то не резиновый. Чужаков туда не пускают, у них там блок-посты стоят по дорогам. К ним живым не попасть. Мы с тобой – простые смертные – только помечтать можем. А если Змей этого поймают, так все словно в раю жить будем.

– А что они сами-то его не поймают, раз такие могучие?

– По всему земному шару за ним бегать что ли? Гонцов вон разослали, теперь каждая более-менее серьезная группировка про него знать будет. Э-э-э-х! Вот если там окажусь, первым делом спирта попрошу или еще какого бухла. Все равно какого. Ужрюсь в хлам, – расплылся в улыбке толстяк.

– Да заткнись ты! Хорош мечтать. Тошнит уже. Скоро Змей придет с ребятами, нужно жрать готовить.

– Опять консервы? – поднимаясь с места, недовольно заныл толстяк. – Кртофанчика бы сейчас или салатика из свежих овощей да с солью. Ух, – мечтательно прищурился он и посмотрел в небо. – Ладно, давай тащи, а я пока приготовлю место.

Долговязый скрылся за дверью. Пухлый достал из-под крыльца веревку, перекинул через сук сухого дерева, затянул, с другого конца сделал петлю. Марс, уже было, дернулся вперед, но затих. Длинный вытащил худое нагое тело то ли мужчины, то ли женщины, трудно различимое в полумраке. Человек не шевелился. Его подвесили за ноги. Длинный вытащил нож и начал свежевать тело, словно свинину.

– Чуть не подход! Мертвечину-то жрать не очень хочется. Там еще один на подходе. Может тоже разделать? Пока морозы стоят, в снег мясо прикопаем.

– Не, без указа Змея лучше не надо, – толстяк достал из трупа кишки. – Он завтра хотел выдвигаться на юг. Придет, сам решит, что да как. Ты давай топор тащи. Сейчас кровь стечет, нужно на куски порубить. И сетку принеси, на которой жарим, – он отошел в сторону, сгреб с земли снег и вытер им руки.

– Топор-то где? – заорал длинный из дома.

– Справа стоит, около печки! Вот скотина слепая.

Усмехаясь, толстяк подошел к забору, немного покопался, пустил через дыру в заборе струю мочи и облегченно вздохнул. Лицо его тут же скривилось в страшной гримасе. Марс сжал его достоинство в руке так крепко, что, казалось, даже послышался хруст «скорлупы». Резким движением он подтянул толстяка к себе. Тот привстал на цыпочки, словно балерина.

– Сколько вас? – еле слышно прошептал Марс, контролируя открытую дверь в доме.

– Четырнадцать, – так же еле слышно со слезами на глазах пролепетал пухлый, боясь даже вздохнуть.

– Я спрашиваю тут вас сколько?

Толстый сжал кулак и выставил два пальца вверх.

– Ясно. Наклонись, скажу кое-что, – толстяк подался вперед.

Резкий удар, костяная заточка вошла в глаз почти по рукоять. Тело вздрогнуло, упало на колени и завалилось на забор.

– Нашел!!! – радостно проорал из дома длинный.

В это время Марс уже перемахнул ограждение и затаился возле входной двери, прижимаясь к стенке.

– Готов поработать? – длинный вышел на крыльцо, озираясь по сторонам.

Марс сделал шаг вперед, доска скрипнула под его ногой, длинный обернулся. Немая пауза длилась секунду. Прямой удар ногой в грудь отправил человека Змея вниз с крыльца. Марс действовал так стремительно, что поверженный даже не успел подняться до того, как противник обрушил ему на голову топор и снес пол черепашки. Марс поднял с земли обрез. Один патрон. Ну, тоже неплохо. Вытащил горящую палку из костра, поспешно направился внутрь дома. Ступени крыльца предательски скрипели от каждого шага.

Темнота – что может быть страшнее? Горящая палка еле освещала темный проход длинного коридора, больше давала дыма, чем света. Темный длинный коридор, как и много лет назад отделял его от смерти. Он впитал это чувство беспомощности, и все время доказывал себе обратное, борясь с детским страхом.

Марс запомнил этот день навсегда. Тогда они с матерью уже за полночь возвращались из больницы. Кристина всегда засиживалась около больничной койки мужа, держала его за руку, разговаривала с ним, смотрела на него, мечтая, что вот-вот он придет в себя и откроет глаза. Она могла проводить с ним дни напролет, а маленький Марс играл на подоконнике в солдатиков и особо не переживал за своего отца. Что было переживать, если он просто спал? Ну и что, что весь в бинтах? Так он же болеет. Больной должен лежать в кровати, так говорила ему мать. Это был обычный день, ночное возвращение. Марс дремал на заднем сиденье такси, склонив голову на коленях матери. Внутри нее кто-то шевелился. Она говорила, что это его сестра. Интересно было знать, кто ее туда засунул и как она оттуда вылезет? Все до боли привычно: его разбудили, оплата таксисту. Он нехотя поднялся. Оказавшись на улице спросони, по телу прокатился легкий озноб, хотя стояла теплая погода.

Яркая тихая ночь. Звездное небо стояло высоко, казалось, еще не много и оно заберет тебя к себе в свою бесконечную темноту вселенной. Кристина взяла его за руку и направилась к подъезду. Марс вяло перебирал косолапыми ножками, зевая и еле поспевая за ней. Рядом с домом детская площадка. С лавочки поднялся человек, держа руки в карманах ветровки, и поспешно направился за ними. Темный силуэт, больше ничего. Он что-то прокричал, когда Кристина открывала дверь, но это лишь испугало девушку, и она поспешно вбежала в подъезд.

Темнота, длинный коридор до лифта, лампочка почему-то не горела. Она тащила сына вперед. Дверь подъезда открылась и закрылась. Марс

выпустил руку матери. Какая-то возня, Кристина вскрикнула и упала. Сильный толчок отбросил его в сторону. Тяжелое мужское дыхание, снова возня, глухие удары, стоны и всхлипы. Это длилось минуты две, ему казалось вечность. Тишина, лишь чьи-то шаги. Глаза привыкли к темноте. Можно было разглядеть силуэт мужчины, который подошел к нему и присел на корточки. Чиркнула зажигалка, освещающая лицо незнакомца. Растрепанные волосы, красные брызги на лице, большая царапина на лбу. Сквозь тусклый свет виднелся лестничный проем. Два тела лежали по разные стороны площадки. Его мать застыла в бесформенной позе возле лифта.

– Ты в порядке? – спросил тот самый дядя, который приходил к ним в больницу и вернул ему кулончик.

Марс смотрел на него огромными ошарашенными глазами. В пору было заплакать, но страх небывалой силы сковал все тело, не позволяя даже раскрыть рта. Виктор подошел к Крестине и пощупал пульс.

– Плохо.

Марс рассмотрел голову матери, утопающую в черной луже. Он просто стоял словно статуя, боясь пошевелиться, тербил низ майки и хлопал глазенками, еще не понимая, что все... началось.

– Я должен был успеть. Должен был. Прости, потом все поймешь.

Странный дядя закрыл ему рот и нос платком и подхватил на руки. Снова темнота.

Еле горящая палка тускло освещала коридор. Детский страх накатило снова, от него не избавиться. Храбрость – это сделать первый шаг в темноту, когда только ты один знаешь, как тебе на самом деле страшно. Сделай его и назад возврата не будет. Он крепче сжал обрез, выставил руку вперед и зашел внутрь. Проследовал вперед по скрипучему деревянному полу, толкнул ногой дверь. Она медленно открылась, проворачиваясь на ржавых петлях. Большая комната с отвалившимися от сырости обоями, на потолке черная плесень расплзлась загадочно-жутким узором. В правом углу лежали вещи, наваленные горкой, инструменты: молоток, две пилы, отвертки, рубанок. Комната проходная, дальше зал. Посередине стол с грязной посудой, свечи, много стульев. Разваленная печь, на ее останках сложены дрова, точнее сказать, остатки мебели. Плетеное обветшавшее кресло-качалка с наброшенным разноцветным покрывалом одиноко стояло напротив будущего костра. Скорее всего, место главаря. Все приготовлено, не хватало только обитателей. В углу раздался хрип. Марс резко навел оружие на звук. Дверь кладовой закрыта на шпингалет. Подошел ближе, открыл, обрез наготове. Тусклый свет осветил полуживого парня. Его голое тело привязано к трубе отопления. Бедолага даже не поднял взгляда. Он был настолько изможден, что ему, похоже, было все равно, что с ним станет. Смерть для него лучший выход. До утра он бы не дотянул.

– Эй, – на всякий случай шепнул парню Марс. Реакции ноль.

Прикрыл дверь, пошел дальше. Обыскав все комнаты, убедился в том, что дом пуст. Снова обошел все комнаты, по пути открывая ящики,

заглядывая в шкафы, осмотрел столовую, прошел в дальнюю комнату. Слева большой сундук с кодовым замком. Интересно, откуда взялся тут такой раритет? Справа еще одна дверь забита досками и подперта стулом. Он сбегал за топором, задержался на улице, прислушиваясь к тишине. Все нормально. Когда вскрыл сундук, оторопел: банки с тушенкой, крупа, сухари, макароны. Марс даже отошел в сторону, зажмурил глаза и снова посмотрел на содержимое сундука – нет, не кажется с голоду, так и есть. Нашел тряпку, стал наваливать в нее припасы. Злоба брала, что все унести невозможно. Наложил столько, что еле смог оторвать от пола. Было понятно, что с таким баулом он далеко не уйдет. От отчаяния пнул сундук. Сжав зубы, отложил менее калорийные продукты, завязал все в узел.

Еще раз осмотрелся. Привлекла заколоченная дверь. Понимал, что лучше уйти, но любопытство взяло верх. Подсунул острый край топора под доску, со всей силы дернул на себя. Доска закрипела, обнажая гвозди. Схватился за нее руками, потянул в сторону и, провернув, наконец, оторвал. Со второй поступил также. Замок сбил с одного удара, высекая искры о сталь. Схватил обрез и резко открыл дверь. Каморка три на три метра, выложенная светлым кафелем. По всей видимости, раньше была ванная комната. Невыносимый смрад пота, грязи и испражнений ударил в нос. В углу, словно бараны, сбились в кучу человек шесть-семь, запуганные и забитые, в лохмотьях, боясь посмотреть, кто открыл дверь. Ждали, наверное, кто следующий. Он не первый раз встречал каннибалов, но все равно никак к этому не мог привыкнуть. Консервы? Пленников таскали за собой, а когда приходило время, забивали и съедали как скот. Проще было сожрать человека, чем найти еду. Продукты они держали на крайний случай. Когда кончались живые «консервы» в ход шел неприкосновенный запас.

– Твою мать, – протянул он и сделал шаг назад.

Живая масса впервые подняла взгляд и зашевелилась, будто единый организм. Марс медленно поднял свой мешок и закинул на плечо. В темноте шло движение. Послышался разговор, то ли из комнаты, то ли с улицы. Он сорвался с места и замер у окна. Вдоль штакетника мерцали огни керосиновых ламп, мелькали тени, уже отчетливо различались голоса. Время застучало в ушах, зашумело, глубокий вдох, пауза, выдох, поворот головы, и снова вдох, пауза, выдох. Он кинулся к противоположному окну. Деревянные ставни со временем рассохлись. Разбить стекла, значит, выдать себя с потрохами. Дернул еще раз и еще, окно не поддавалось.

– Успокойся, парень. Все нормально. Нормально, – разглядывая окно, шептал он сам себе. – Надо же... – сверху вбиты два гвоздя и загнуты так, что не позволяют распахнуть ставни.

Залез на подоконник, кое-как пальцами отодвинул гвозди в стороны, спрыгнул вниз, дернул за ручку. Окно со скрежетом и скрипом подалось вперед. Холодный ветер ударил в ноздри, сквозняком пронесся по дому, где-то вдалеке с шумом хлопнула дверь. Выскочил на улицу и, что было силы, рванул на задний двор. Как оказался за забором, сам не понял. Позади, был слышен крик, пара выстрелов, может и больше.

Остановился он только в полной тишине. Бок жутко колот с непривычки. Пересохшим ртом хватал воздух. Небный язычок то и дело прилипал. Стал жадно есть снег. Все тело охватил жар, будто только что вышел из парной. Посмотрел на полный мешок и засмеялся. В руке обрез. Хоть и с одним патроном, но все же оружие. Упал на колени, головой воткнулся в пушистую и холодную прохладу, завалился на бок, перевернулся на спину. Минуты две лежал. Пот тек по телу. Нужно идти. Идти на юг, идти спасать Катю. Ради чего тогда жить, если не ради нее? Не ради же бредней Виктора. Вскочил, закинул на плечо свой тук и остановился.

– Сука! Сука! Сука!!! – обернулся и посмотрел назад. – Иди, Марс. Он сделал свой выбор! Ну же, иди! Да, ты жив потому, что он помог тебе, но и ты сделал для него многое! А что ты для него сделал, а? Ты сделал многое и для Кати, и где она теперь? А где Виктор? Вот зараза!

Он спрятал свой сверток в кустарнике, еще раз проверил обрез, словно там могли появиться еще патроны. Нет, только один, хоть самому стреляйся. Он жалел, что впопыхах не захватил топор или молоток. Можно было бы обыскать и тех двух, которых он прикончил. Можно было бы сделать кучу всего, но теперь не время об этом говорить? После драки кулаками не машут.

– Ладно! Посмотрим, на что ты еще годишься. Надеюсь, старик был прав. Людям нужно помогать, – он натянул ироничную улыбку и направился в сторону злополучного дома.

За сто метров стало слышно голоса. Марс лег в снег, остальной путь прополз по-пластунски, прижимаясь к земле. Притаился у забора, взвел курок на обрезе. Сердце колотилось, словно бешеное. То ли от нервов, то ли от перенапряжения бок снова заныл, да так, что ему пришлось прикусить губу, сунуть лицо в холодный «пух» и переждать приступ. Пересиливая себя, он приподнял голову и подполз ближе, наблюдая через щель в заборе. Голоса стали четче. К опасности нельзя привыкнуть. Инстинкт самосохранения отсутствует только у дураков и самоубийц, остальные хотят жить. А в таких экстремальных условиях ты либо перестаешь думать совсем, либо соображаешь за десятерых.

– Долбанная кучка придурков! Ублюдки! Да как такое вообще могло случиться?! – орал здоровый мужик.

Он был метра два в высоту, не меньше. Каменно-крепкий, в дубленке из овчины, в шапке из пушного животного, на ногах унты, на левом глазу пиратская повязка. В руке он держал кувалду, держал играючи, будто небольшой молоточек. Инструмент летал в воздухе вместе с его рукой, когда он жестикулировал. Змей словно не замечал в своей ладони молот.

– Твою мать! Оставил присмотреть за местом! Сто раз проверили город. Ведь никого не было, а тут на тебе! Плыли,плыли, у берега обосрались! Твари! Я вас кормлю, пытаюсь решить проблемы, а что в итоге?! Два трупа! Консервы чуть не разбежались, да еще, мать вашу, нас ограбили! Забрали НЗ! И кто, позвольте, будет за это отвечать?! А что б мы делали, если бы скотина сбежала?! То, что было в сундуке нам на месяц! Теперь нас ополовинили! Как детей поймали нас всех!

– Змей, но так консервы-то все поймали, – попытался оправдаться один из членов банды, но тут же получил по морде.

– Еще бы вы их, суки, не поймали! Я бы тогда друг друга вас жрать заставил! Что говорит скот?

– Говорят, был один. Они его особо не рассмотрели.

– Вот дерьмо! У нас что тут, долбаный супермен завелся?! Говорили же, что он не опасен. Всего-то поймать и привести! И весь уговор!

– Змей, им доверять не стоит, – снова заговорил получивший по роже, поднимая лицо кверху, чтобы остановить кровотечение из носа. – Было б так просто, они бы его не искали. А раз он понадобился Огненным братьям, значит дело серьезное. Уж если они его поймать не могут и поднимают на поиск все группировки и общины, то этот парень им как кость в горле. Нужно у пацана спросить, что это за тип! – он сплюнул сгустки крови в сторону, поднял с земли снег и приложил к переносице.

– А ты прав, Солома! Тут ты прав! Приведите малого! – проорал Змей кому-то в темноту.

Солома снял шапку, зачем-то ударил ей несколько раз о колено и снова одел, спрятав желтые, ближе к белому волосы. Андрея пригнали взащей, отвешивая тумачи направо и налево. Парень только успевал закрываться от ударов. Змей схватил несчастного своей огромной рукой и подтянул к себе.

– Кто он?!

– Я не знаю, – мальчишка затряс головой в разные стороны. Под глазом синяк, губа разбита.

– Хорошо! – Змей сделал жест рукой и парня поставили перед ним на колени. Он поднял кувалду вверх так легко, словно перышко, абсолютно не напрягаясь. – Попробую задать вопрос по-другому. Кто он?! – обхватывая рукоять двумя руками, он медленно приставил железный набалдашник к голове, отвел его на замах и снова медленно вернул к черепу, прицеливаясь к голове парня. – Так кто он?

– Я не знаю. Правда не знаю. Он следил за вашими людьми. Я просто нашел его, когда он жарил собаку. Он накормил меня вот и все, а потом я помог ему с его раной. Его зовут Марс! Все, я больше ничего не знаю. Не знаю. Не убивайте меня. Пожалуйста. Умоляю, не надо. Я больше ничего не знаю, – он разрыдался.

– Значит, Марс? – Змей опустил кувалду. – А слухи-то не врут. Да, парни? – в ответ раздался радостный клич. – Что ж, этот гаденыш далеко уйти не мог. Значит, так. Пес, Краб и Овощ, отвечаете за ужин, – он кивнул на висящий труп на дереве. – Толстого и длинного тоже разделайте, не хрен добро пропадать. Этого молокососа к консервам. За жратвой обсудим обстановку, я назначу дежурных. Все, погнали. Остальные знают, что делать. И будьте так любезны, не прощелкайте его еще раз. Иначе я разозлюсь по-настоящему!

Марс лежал на снегу, боясь пошевелиться. Смотря на Андрея, он отчетливо понимал Виктора, который учил его, что лучше убить себя, чем

попасть в лапы таких, как этот Змей. Ему было четырнадцать, наверное, столько же, сколько и Андрею сейчас, но он помнил это отчетливо.

Люди ворвались в их дом. Они чудом ускользнули и спрятались в кукурузном поле. Да, тогда еще были поля, и росла кукуруза.

– Не бойся. Держи, – Виктор прижал Марса к себе, достал пистолет и вложил его в руку мальчишки. – Если они тебя найдут, тебе придется это сделать. Ты меня понял? Сюда, – он указал пальцем на висок. – Это не больно. Ты не должен попасть к ним в руки. Сюда. Плавно и резко, на курок. Ты все понял?

Марс кивнул головой, на глазах слезы, но он храбрился. Ему было страшно. Умирать всегда страшно. Но смерть бывает разной. Очень разной.

– Вот и хорошо. Молодец.

Он лежал перед забором, словно перед очередной чертой своей жизни. У него есть еда, есть медикаменты, есть все, что нужно, чтобы двигаться вперед, спасти Катю. Но там за этой долбаной чертой тот, кто помог ему, протянул руку и вытащил из бездны, дал ему возможность жить дальше. Рискнуть или проявить разум? Он лежал в снегу, мерз и думал. Вспоминал о кукурузном поле, о том, как Виктор, отдав пистолет, вытащил нож, как его наставник оценивающе посмотрел на него. Посмотрел для чего? Сможет ли Марс выстрелить себе в голову? А если нет? Если испугается? Не так просто перейти эту грань и отодвинуть животный инстинкт самосохранения в сторону. Теперь он понимал, для чего Виктор достал нож. Если бы он не справился, или пистолет дал осечку, его наставник, его приемный отец взял бы все в свои руки. Прирезал, убил самое дорогое в своей жизни и ради чего? Ради своих идей? Ради веры? Или ради того, чтобы участь Марса была не столь тяжелой? Неужели в каждом из нас живет нечто такое, о чем окружающие не догадываются? Марс уткнулся лицом в снег. «Нет! Такого не может быть! Моя мать, мой отец, Виктор, они бы отдали за меня свою жизнь. Марс, тебя испортил этот мир. Хватит. Думай, как помочь парню! Думай, долбаный засранец, и перестань мечтать о том, как слинять отсюда! Хотя ты единственный, кто может помочь Кате».

Он наблюдал за тем, как потрошили трупы на улице, расчленяли их на куски и жарили части на костре. Морозный воздух вокруг наполнился ароматом жареного. При всей рвотной картине запах был прекрасен, желудок урчал, а слюна предательски наполняла рот, так что ее приходилось постоянно сплевывать. Чтобы хоть как-то удалить голод, он стал жевать снег, растапливая его во рту и глотая ледяную воду. «Я никогда тебя не оставлю! Понял?!» – голос Виктора врезался в мозг. «Хорошо так говорить, если ты уже мертв», – парировал Марс свои мысли. Он приподнялся и, пригибаясь, пошел на полусогнутых ногах вдоль забора. Несколько раз обошел периметр. Все бесполезно, их слишком много и они хорошо вооружены, еще бдительней охраняют Андрея, запертого в душной, темной, вонючей комнате

вместе с остальными, которые также решили пожить подольше, испугались смерти, испугалась сделать правильный, хотя и трудный выбор.

Повалил крупный снег. Это на руку, занесет следы. Змей не глупец, выслал трех человек разведать, куда мог направиться Марс. Прошли мимо, не заметили в темноте, покружились с полчаса и вернулись, снег валил сплошной стеной. До утра Марс пролежал в сугробе, всю ночь взвешивая плюсы и минусы. Жутко замерз. Минусов было куда больше, чем плюсов. Один против банды головорезов. Убьет себя, да и только. А если он погибнет, то уже точно не спасет Катю, если она еще жива. Впрочем, этого он наверняка не знал. Зато он знал, что Андрей уж точно труп, если он не вмешается. Они все мертвецы, просто боятся осознать это. Если бы его заперли с ними, он бы попросил придушить его или сломать ему шею, да все что угодно, лишь бы смерть была легкой. А они и правда бараньи консервы, стоят гуртом, ждут своей очереди, а может, мечтают о том, что их помилуют. Какой же бред!

В доме послышалось движение, часовые засуетились. В эту ночь Змей выставил девять человек на улицу. Все стояли на виду друг у друга вокруг дома. Смысла лезть не было, пристрелили бы еще на подходе. За час до рассвета банда стала собираться. Вывели пленников, среди них был и Андрей. «Консервы» стояли в рядок, на шее у каждого веревка, на поясе тоже, руки связаны за спиной. Четверо вытащили сундук, продев в него длинные палки, по бокам у него имелись специальные петли. Через двадцать минут колонна тронулась. В центре Змей и ребята с сундуком, плюс пленники, остальные по периметру с оружием наготове. Двинулись на юг, наверное, до следующего поселка.

Марс лежал еще час и только потом вылез из-под снега, зашел в дом, где угли были еще теплые. В кострище валялись кости, пакет от макарон – гарнир, мать их. Дрожащими руками сгреб огарки в кучу вместе с костями, раздул небольшой огонек. Снял со стены полку и подкинул в огонь. Разломал плетеный стул-качалку, который дал хороший жар. Сидел у огня больше часа, никак не мог согреться. Мыслей в голове уже не было. Все передумал за ночь. У каждого есть свой выбор и это священное право каждого. Так говорил Виктор, а ему вроде как говорил Михаил, посланник Бога. Какая чушь! От этих мыслей он дернул щекой и еще ближе пододвинулся к огню. Когда согрелся, сходил за рюкзаком с медикаментами и мешком с едой. К вечеру наткнулся на следы группы Змея. Они уходили в лес, скорее всего для привала. Пошел краем. Сам остановился в овраге. Ночью из леса доносились страшные звуки, кто-то орал, просил пощадить. Одно и то же, все просят, но Марс не знал ни одного, кого пощадить. Под этот крик он не спеша ел, а точнее грыз рыбные консервы. На холоде они смерзлись в единый кусок. Костер разводить было опасно, люди Змея могли выйти в дозор и увидеть дым. Облизал пальцы, упаковал все обратно нежно, как святыню, и, не ложась спать, отправился подальше, чтобы больше не видеть и не слышать никого и ничего. Долбаные чувства запихал так глубоко, как только мог. А он мог. Его предавали, обманывали и пытались убить ни один раз. Так что

единственное, что он сейчас хотел, это просто найти Катю, или хотя бы узнать хоть что-то про нее. А тот парень... Как его? Андрей. Что ж, он бросил его первый. Напоследок Марс остановился и обернулся, посмотрел на темную, почти черную полосу леса, покачал головой, дернул плечами, чтобы поднять свой груз повыше на спину и двинулся в путь.